

СИНЯЯ ЗВЕЗДА «ГОЛУБОЙ РОЗЫ»

В Инженерном корпусе ГТГ — выставка
Николая Сапунова, самого мистического художника
русского символизма

*Новая газета. — 2003. —
— 27 нояб. — с. 20*

Мистика не в трагической и нелепой смерти — 32-летний художник утонул в Финском заливе в 1912 году во время лодочной прогулки с Михаилом Кузминым, — а в том, что смерть эта была предсказана ему в юности итальянской гадалкой, и ее тревожное ожидание Сапунов в течение десяти лет последовательно переводил в живопись. Он был «синей звездой» «Голубой Розы» — черпал откуда-то изнутри, как из колодца, небесно-водный свет. Это его имел в виду Малевич, писавший о «голубом запахе» символизма.

Там, где у земных людей — тень в складках драпировки, фон для натюрмортов или театральный задник, у Сапунова получается омут. В «Натюрморте с автопортретом» (1910—1911), где в синем углу среди цветов появляется лицо художника, и вовсе заявляется авторский взгляд из глубины, через толщу воды и патину времени. Та же синева проглядывает сквозь барочную лепнину комнаты Журдена на декорации к «Мещанину-дворянину» и в кутерьме вокруг обезумевшей «Карусели», играет в зеркальном боку перламутровой вазы и струится в платье Турандот.

При всем экзистенциальном фатализме Сапунов совсем не депрессивный художник. Карнавальная стихия его «Каруселей», бурлескные кабаки и ярмарки, тающие от нежности балерины и притворяющиеся гобеленами пейзажи смотрятся чуть ли не самым жизнеутверждающим вкладом в общую эсхатологию Серебряного века. Никто не писал цветы с таким увлечением и многозначительностью — и как природу в натюрморте, и как изображение музыки, и как декоративный мотив. Голубая роза с обложки каталога выставки 1907 года, ставшая знаком содружества художников (Сапунова, Судейкина, Сарьяна, Павла Кузнецова), конечно, его.

Да и когда было грустить? Сын купца, владевшие

го свечным заводиком, в тринадцать лет пришел в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Руку ему ставили Пастернак и Левитан, покровительствовали Серов и Коровин, в свою студию принял Мамонтов... В 1902 году по приглашению Дягилева Сапунов участвует в выставке «мирискусников», потом будет «Голубая Роза», и в этот же период начинается декораторская работа в театре — от «Смерти Тентажиля» Метерлинка, через блоковский «Балаганчик» до незаконченной «Принцессы Турандот» главной темой творчества будет театр, а любимым режиссером — Мейерхольд.

Не театр привнесен им в живопись и не искусство на сцену — просто рама заканчивается раньше рамп. Растворилась в голубоватой дымке граница между сценой и театризированной жизнью, между спектаклем, кабаком и каруселью — потому что художник не наблюдатель, а соучастник, и антракта не будет. Театральная живопись Сапунова — самое выстраданное доказательство потасканного афоризма Моза.

Сапунов был бальваном судьбы — чтобы потом почти век его не баловали вниманием. Нынешняя экспозиция — первая персоналка музейного уровня, а до этого Сапунова показывали только два раза — по инициативе друзей через пару лет после смерти и во время оттепели благодаря деятельным энтузиастам. Как и Судейкин, Сапунов не вписывался в прокрустово ложе советского искусства.

Из такой эффектной биографии очень легко куется миф — тем выше заслуга кураторов, которые избежали соблазна «украсить» академическую выставку и в то же время отказались от хронологического подхода. Из нескольких музеев привезли отменные работы: неожиданно яркие этюды и мрачные пейзажные композиции раннего периода,

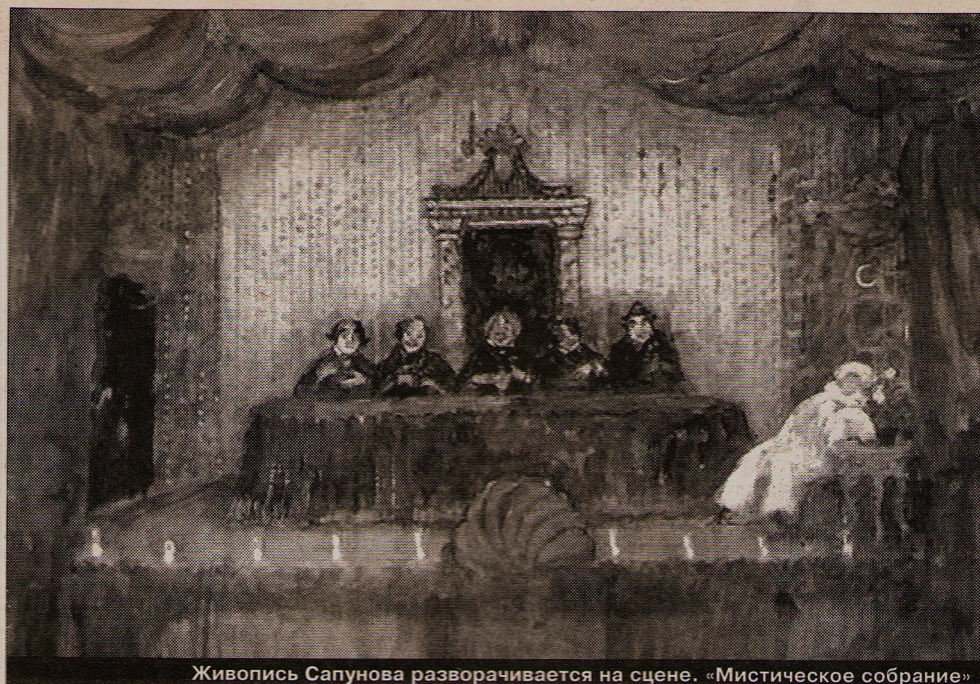
портреты и натюрморты, театральная живопись и графические эскизы костюмов — раритет, ведь Сапунов не делал ни набросков, ни подготовительных рисунков.

Здесь вся «московская гофманиана» — как назвал Эфрос поразительный сплав элитарного и массового, царивший в салонах безглавленной столицы и на картинах Сапунова: эстетизированный лубок и послевкусие модерна, поэзия символизма и ярмарочные гуляния. Ни до, ни после живопись не умела так искусно имитировать гобелен, и ни у кого больше не хватало смелости и элегантности прививать западный декоративизм древнерусской иконе.

«Голуборозовцы» обставляли свои выставки не менее затейливо, чем современные кураторы, — все происходило среди изысканной мебели, живых цветов и эффектных портьер, под музыку Скрябина. Только у них в отличие от наших галеристов еще и хватало вкуса не превращать обстановку ни, в эзотерическое действие, ни в светский прием. Как отзывался, например, о выставке «Голубая Роза» Сергей Маковский: «Светло. Тихо. И картины — как молитвы... Так далеко от суетной обиденности европейских Сецессионов и от будуарной элегантности выставок Дягилева».

Третьяковке такие ухищрения не нужны. Все доморощенные средства по сгущению ауры с блеском заменила Ида Гофман — искусствовед, автор монографии о «Голубой Розе» и куратор выставки. Страстно-аналитический рассказ о символизме Сапунова заворожил вернисажную публику — и камеры, совсем не балующие своим вниманием искусствоведы, не могли оторваться от исследовательницы — величественной фигуры в сиреневом. Дамы, словно вышедшей из голубой дымки окружающих картин.

● **Наталья САВОСЬКИНА**

Живопись Сапунова разворачивается на сцене. «Мистическое собрание»